

Прекрасная Эпоха

Страсть и расчёт

Эмилия Остен

Эмилия Остен

Страсть и расчёт

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7073595
Эмилия Остен. Страсть и расчёт: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72970-8

Аннотация

Дочь состоятельного промышленника Луиза Грэхем приезжает в Лондон, чтобы выйти замуж, и снимает на лето особняк графа Рейвенвуда. На балу она встречает самого Руперта Рейвенвуда – и видит в нем свой идеал мужчины. Используя свое очарование, граф соблазняет девушку, которая готова сама сделать первый шаг, и они решают не откладывать свадьбу. Руперт беден, но титулован, Луиза богата, но незнатна. Это брак по расчету, после которого, кажется, каждый получает желаемое. Но принесет ли это счастье? Уживутся ли вместе потомственный аристократ и дочь шотландского предпринимателя?...

Литературная обработка Е. Полянской.

Содержание

1854 год, лето	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эмилия Остен

Страсть и расчёт

1854 год, лето

Глава 1

Дом оказался старым. Нет, конечно, мебель была новая, необходимый ремонт провели, но все это лишь подчеркивало то, что дом старый. Луиза осторожно постучала кончиком сложенного зонтика по паркету, отполированному и натертому, но все равно вызывающему опасения. Кое-где доски были светлее основного массива – следы ремонта. Что люди находят в этих старинных семейных особняках? Пыль, разруха и неоправданные расходы. Большие, очень большие и совершенно неоправданные расходы. О чем, интересно, думал мистер Кортни, арендуя этот дом? Наверняка можно было найти что-нибудь менее ветхое.

– Луиза, – отвлекла девушку от размышлений о разумности подобных трат тетя Вильгельмина, – откуда такой недовольный вид? Мы же в Лондоне, как ты и хотела. Дом отремонтирован и обставлен согласно нашим желаниям. Впереди целый сезон: вечера, балы, выезды – просто сказка!

– Тетя Ви, – Луиза решительно вручила зонтик появившемуся словно из-под земли слуге, – вряд ли Лондон в чем-то разительно отличается от Глазго и Эдинбурга.

– Не скажи. Составить выгодную партию здесь значительно проще. Во-первых, женихов тут больше, а во-вторых, их качество в Лондоне выше.

Луиза проследила глазами за тем, как слуги перемещают чемоданы наверх, и предложила тете покинуть холл и пройти в гостиную.

– О! – Леди Вильгельмина устроилась в кресле и с восторгом воззрилась на столик, сервированный чаем с закусками. – Узнаю старую добрую Англию! Чай возникает из ниоткуда и исчезает в никуда.

Тетя Вильгельмина, хоть и была истинной дочерью Шотландии, некоторую часть своей жизни провела в Лондоне с мужем, бароном Крайтоном, о чем постоянно вспоминала с ностальгией, когда, овдовев, переехала в дом брата, Майкла Грэхема, чтобы помочь воспитывать рано оставшуюся без матери племянницу.

– Можно подумать, у нас в доме чай не подают, – пожала плечами Луиза.

– Подают, – согласилась леди Крайтон. – Но, милая, дай мне насладиться первым за долгое время чаем в Лондоне.

– Наслаждайся, – послушно кивнула Луиза. – И позволь мне тебя обслужить.

Она разлила горячий напиток, уверенно пользуясь чайником, молочником, сахарными щипцами и прочими предметами, необходимыми для свершения таинства послеполуденного чая.

– И все же, Луиза, милая, объясни мне, чем ты недовольна? – Тетя Вильгельмина всегда чутко улавливала изменения в настроении своих близких (впрочем, не только близких, но и знакомых, и знакомых знакомых, да и просто случайных собеседников), так что Луиза не стала пытаться уйти от ответа.

– Знаешь, тетя, что-то я стала сомневаться, что идея провести сезон в Лондоне такая уж великолепная, – сообщила она.

– И почему же? Уверена, что идея просто грандиозная! Если бы я была юной богатой наследницей, я бы однозначно сочла ее чудесной.

– Насколько мне известно, в свое время ты так и сделала, – улыбнулась Луиза.

– О, хотя я и была тогда юной, я не была настолько богатой, – улыбнулась в ответ леди Крайтон.

– Поэтому вышла замуж за барона. А я, как уже говорила, намерена заполучить графа, не меньше. Нацелилась бы на герцога, но они все или женаты, или слишком стары. Конечно, есть своя прелесть в том, чтобы остаться молодой богатой вдовой... – Луиза запнулась, сообразив, что иногда стоит сначала подумать, а потом уже говорить.

– Не волнуйся, – махнула рукой Вильгельмина. – Я, конечно, не обрадовалась, столь рано овдовев, но прекрасно понимаю, о чем ты говоришь.

– Ох, тетя Ви, все равно прости меня. Иногда мой язык – мой враг. – Луиза поставила на столик чашку из-под выпитого чая.

– Иногда? – слегка улыбнулась леди Крайтон, делая глоток уже немного остывшего чая.

– Иногда. – Луиза решила не отступать. – Чаще всего мой язык – враг тех, кто не нравится хозяйке языка, то есть мне.

– Ах, Луиза, порой мне кажется, что тебе никто не нравится, – покачала головой леди Вильгельмина.

– Почему же? Мне нравишься ты. Папа. Иногда – папины деловые партнеры. Иногда – галантные кавалеры. Но эти, последние, – редко. Потому что умных среди галантных не так уж много. – Логика всегда была сильной стороной Луизы.

– Вот именно поэтому сезон в Лондоне – великолепная идея! Здесь гораздо больше галантных кавалеров, чем в Глазго, и поэтому... – Тетя тоже была сильна в сопоставлении причин и следствий.

– Поэтому здесь больше и умных, – закончила мысль Луиза.

– А еще красивых и молодых, – добавила леди Крайтон.

– Разных. Да. Я поняла твою мысль. Кстати, именно так я убедила отца, что потратить баснословную сумму на сезон в Лондоне – это правильное решение, – напомнила Луиза.

– Что же заставило тебя усомниться в этом? – снова поинтересовалась тетя Ви. Она отлично знала, что Майкл Грэхем не очень сопротивлялся желанию дочери провести сезон в столице.

– Еще чаю? – предложила Луиза. Сложно было вот так, сразу, объяснить простыми словами сомнения, которые одолевали ее всю дорогу из Глазго в Лондон.

– Пожалуй, – согласилась тетя Вильгельмина.

Луиза снова повторила ритуал наполнения чашек, одновременно собираясь с мыслями.

– Войдя в дом, я поразилась, представив, сколько пришлось потратить на его ремонт и обстановку – и это не говоря уже об арендной плате и о том, сколько еще предстоит израсходовать на наряды и выходы в свет. И все это для того, чтобы выйти замуж? Тетя Ви, если бы на мне хотели жениться из-за моей красоты или ума – я бы еще поняла все эти хлопоты. Но они стремятся взять меня в жены прежде всего из-за денег отца! Не меня надо показывать женихам, а мой брачный договор! Получится дешево, практично и экономично!

– А это мысль! – одобрила леди Крайтон. – Только вот женихи хотят видеть невесту, а не брачный договор. О содержании брачного договора они предпочитают просто знать.

– Как известно, правильное содержание брачного договора способно заставить жениха закрыть глаза на то, как выглядит его суженая.

– А, ты о том ужасном случае с бедным мистером Сорроу?

– Бедным? – возмутилась Луиза. – Да, конечно, он был небогат. Но это же не повод так себя вести!

– Не повод для того, чтобы изображать перед ним дурачку, а потом удивляться, как ему хватило наглости попросить твоей руки.

– Именно об этом я и говорю! – вздохнула Луиза. – Он сделал предложение, несмотря на хромоту, косоглазие и заикание невесты!

– Все. Я окончательно запуталась, – сдалась леди Вильгельмина, отчаявшись уследить за хитросплетениями мыслей племянницы. – Я так и не поняла, почему ты сомневаешься. Но в одном я уверена – в Лондоне нам понравится, все будет прекрасно, и ты выйдешь замуж за достойного молодого человека.

– За графа, не забудь, – напомнила Луиза.

– Как пожелаешь, – согласилась леди Крайтон. – А сейчас я бы хотела отдохнуть с дороги... Я уже не так молода, силы не те...

Она позвонила в колокольчик, молоденькая горничная, как будто из воздуха, возникла на пороге гостиной.

– Я рекомендую и тебе провести остаток дня в покое и неге, – посоветовала тетя племяннице. – Завтра нас ждут магазины!

Леди Вильгельмина проследовала к дверям гостиной с таким изяществом и легкостью, которые любого бы заставили усомниться в том, что годы угнетают ее, а долгая дорога утомляет. Миссис Крайтон, урожденная мисс Грэхем, дочь мелкого шотландского землевладельца, разбогатевшего на удачных вложениях и основавшего компанию, которая стала приносить баснословный доход, в свои сорок с небольшим лет сохранила стройный стан, кипучую энергию и была все еще красива той спокойной красотой, которая часто сопровождает дочерей Шотландии до самой смерти: светлые, медового оттенка волосы, удачно скрывающие легкую седину, свежий цвет кожи, яркие глаза неувливаемого оттенка северного моря, нежный овал лица и высокие скулы.

Луиза во многом походила на свою тетю, но ей, в отличие от леди Крайтон, не досталось высокого роста и стройного стана. Впрочем, девушка, хоть и не считала себя красавицей, тем не менее полагала, что не лишена очарования. Да, ее отличает скорее пышность форм, нежели стройность, – но кто сказал, что это недостаток? А вот живой ум, дополненный отличным образованием, острым язычком и прямоотой суждений, – это действительно не самые лучшие качества с точки зрения рынка невест. Луиза уже успела убедиться в этом за те два года, что она выходит в свет. То, что другие дебютантки принимали за чистую монету, вызывало у нее смех, сдерживать который Луиза научилась с превеликим трудом. Может быть, совершенно напрасно.

Что ж, пока тетя отдыхает, можно познакомиться с домом, которому суждено стать их пристанищем на это лето. Пока что очевидно следующее: особняк обошелся в целое состояние. Возможно, потому, что здесь удивительно хорошо обученные слуги. Или из-за того, что дом расположен на Гросвенор-сквер, в одном из самых престижных мест Лондона. Луиза выглянула в окно и подумала, что еще одной причиной столь высокой цены вполне может быть великолепный старый заброшенный сад, прилегающий к дому, очаровательное местечко, чтобы скоротать там несколько часов за чтением. Надо только подняться за книгой в свою комнату, а по пути можно осмотреть особняк изнутри.

Руперт Страйтэм, граф Рэйвенвуд, проснулся довольно рано, однако вставать не спешил. Торопиться ему было совершенно некуда: весь день Руперт намеревался провести в клубе, а пока там соберется привычное общество, допоздна гулявшее вчера на балах, пройдет еще уйма времени. Летний рассвет, прокрававшийся в спальню, красиво золотил занавески, и это зрелище располагало к неторопливым размышлениям. Шнурок, ведущий к колокольчику на кухне, оборвался еще позавчера, и на ночь дубовая дверь в спальню графа, которая, будучи закрытой, не пропускала посторонних звуков, оставалась приоткрытой, чтобы графский слуга Том Виггс услышал, когда, проснувшись, хозяин позовет его. Сейчас

за дверью царила всепоглощающая тишина, и Руперт решил, что слуги поблизости нет, а значит, можно воспользоваться возможностью и насладиться утренним ничегонеделанием.

Он вспомнил, как вчера в клубе джентльмены едва не поссорились, обсуждая войну с Россией, и этот спор, как бывает со всеми острыми политическими дискуссиями, наверняка продолжится и сегодня, и завтра. По сравнению с началом года людей в клубе поубавилось: часть завсегдатаев теперь находилась в России, которую, согласно молве, со дня на день должно было завалить снегом, и это посреди лета. Слухи ходили дикие, но верили им только те, у кого не хватало ума, чтобы оценить факты. Сам Руперт участия в спорах не принимал, над образом России как места очень дикого и непременно покрытого льдом (и это в двух шагах от Турции) только посмеивался и старался не высказывать своего мнения относительно войны. Не потому, что такового не имел, а потому, что считал подобные разговоры пустой тратой времени. Нужно либо ехать на войну, либо иметь веские основания для того, чтобы остаться.

У графа было две причины не отправляться в Россию – наследство и неприятие войны как таковой.

Наследство заключалось в майоратном поместье и старом лондонском доме. Всеми делами Руперта занимался поверенный, на которого в случае отъезда вполне можно было положиться. Однако никто не отменял того факта, что граф оставался единственным наследником всего этого неумолимо ветшающего имущества и титула, который Руперт должен был передать своим потомкам. А значит, офицерский патент графу было не приобрести. Да и что толку от этого патента? С учетом расходов на его покупку, на экипировку и на офицерское содержание Руперт мог рассчитывать разве что на звание лейтенанта, и то если очень повезет. А потом ждать, когда откроется следующая вакансия, размышлять о том, хватит ли на нее денег, уворачиваться от вражеских пуль, есть плохую пищу, болеть дизентерией и заниматься прочими глупостями, в которых восторженные юнцы видят героизм? Увольте. Граф Рэйвенвуд был для этого слишком практичен. И кроме того, почти разорен, что служило прочной основой трезвого взгляда на действительность.

Ладно, по миру он не пойдет, но выражение «беден как церковная мышь», пожалуй, вполне для него годится. Правда, иногда в необъяснимом приступе благочестия Руперт заходил в храмы и пару раз видел тамошних мышей: было ощущение, что они получали ренту с огромных угодий где-нибудь под Лестером. У церковных мышей есть чему поучиться, думал Руперт.

Вторая причина, по которой военные дискуссии заставляли графа морщиться, – это неприятие войны как способа разрешения важных вопросов. Руперт не был дураком и понимал, что участие в вооруженном столкновении – это зачастую самое простое решение политических проблем, точно так же, как дуэль для джентльмена. Однако он гораздо больше верил в прогресс, чем в силу оружия, и, будучи потомственным землевладельцем, возвращенным на плодородных английских нивах, полагал, что земля имеет ничуть не меньшую силу, чем ходящие по ней люди. И не важно, что он сам с этой земли не получал ни капли прибыли, одни расходы. Это не мешало Руперту иметь мнение, которое к тому же не стоило ни фунта, а в зависимости от внутреннего ощущения собственной значимости могло быть просто бесценным.

Коварный солнечный луч пробрался в дыру в занавеске и уколол графа в нос. Руперт пошевелился, вздохнул, откинул одеяло и крикнул:

– Том!

Тишина. Значит, слуги точно нет: ушел в лавку или на рынок, как часто делал с утра. Одеваться придется самому. Впрочем, Руперт не сетовал – привык, да и характер граф имел весьма жизнерадостный, а уж такие мелочи, как самостоятельное одевание, даже добавляли

существованию смысла. Не так уж он, Руперт Страйтэм, бесполезен, если способен сам натянуть штаны.

Домашний костюм был приготовлен предусмотрительным Томом с вечера, и граф не торопясь оделся, накинув поверх белоснежной хлопковой сорочки шелковый халат с потускневшим рисунком, слегка потертый на рукавах, но от этого не менее любимый. Вышитой домашней шапочки Руперт не носил – во-первых, потому, что у него отсутствовала любимая женщина, которая могла бы сделать в подарок сей почти интимный предмет, во-вторых, потому, что граф не курил, и защищать его рыжие вихры от табачного дыма было незачем, а в-третьих, на этих самых вихрах даже обычная шляпа держалась с трудом – что уж говорить о кусочке ткани!

Руперт вышел в гостиную и тут же услышал, как хлопнула дверь черного хода, ведущая на кухню. Флигель, в котором он жил, был невелик – пара спален, несколько комнат, предназначенных для гостей и прислуги, гостиная и довольно просторная кухня, где сейчас хозяйничал один Том. В большом господском доме, где сотня слуг исполняет все прихоти хозяев, для графа зайти на кухню считалось бы делом немислимым (графиня еще смогла бы позволить себе такую вольность, чтобы отдать необходимые распоряжения кухаркам, да и то для подобных целей человечество изобрело экономок), но в маленьком домике, обиталище двух холостяков, и не такое могло произойти.

Поэтому Руперт направился напрямиком на кухню.

Том стоял у стола и выкладывал на него из огромной корзины различные продукты – копченый окорок, овощи, яйца, сыр и хлеб. Единственный слуга графа Рэйвенвуда был человеком лет тридцати или около того, невысоким и жилистым, и вечно выглядел так, словно ему только что сообщили о чем-то весьма и весьма печальном. Том Виггс сочетал в себе, казалось бы, несочетаемые свойства характера – меланхоличность и редкую оборотистость, и иногда это очень выручало Руперта.

Слуга искоса посмотрел на появившегося в кухне хозяина и пробурчал:

– Доброе утро, милорд! Шли бы вы в гостиную. Сейчас подам вам туда завтрак. Желаете яичницу с беконом?

– Где ты был, Том? – спросил Руперт, прислоняясь плечом к косяку и скрестив на груди руки. – На рынке?

– Сегодня нет. – Слуга выложил на стол приоткрытый сверток, откуда по кухне начал медленно расползаться запах свежей сдобы, щедро приправленной корицей. – Я ходил в особняк.

– Ах, особняк и наши новые жильцы! – припомнил Руперт. Вчерашние разговоры в клубе заставили его позабыть о том, что он – точнее, его поверенный – сдал лондонский дом богатым приезжим. – И что же, ты успел поболтать с кухаркой?

Том ухмыльнулся:

– И не только с кухаркой! Стоило только рассказать миссис Пуллет, что вы не даете мне денег, считая, будто хороший слуга все должен добывать сам, как она тут же велела собрать для нас эту восхитительную корзину.

– Но ведь я даю тебе деньги на еду! – возмутился Руперт.

– Да, но вы вот уже два месяца не платите мне жалованья, – напомнил Том. – Не подумайте, милорд, будто я недоволен, однако вы дали мне полную свободу действий, и я стараюсь ею воспользоваться.

– Не важно, что подумают обо мне слуги, – хмыкнул Руперт. – Можешь говорить, что я скряга, если это позволит добывать такие окорока. – Он указал на здоровенный кусок мяса, завернутый в ткань. – Теперь и на рынок ходить не придется, а?

– Почему же? – пожал плечами Том. – Не стоит полагаться на сиюминутную удачу, она легкомысленна и быстротечна. Если завтра кухарка большого дома охладет ко мне, нужно, чтобы и торговки с рынка меня не позабыли.

Иногда из уст Виггса можно было услышать поистине философские мысли – не зря еще давным-давно он попросил у хозяина разрешения пользоваться библиотекой и все свое свободное время проводил за чтением. Для камердинера Том был довольно образованным, что, несомненно, помогало ему при налаживании связей.

– Что же, если нам так повезло, то я жду завтрак, – проговорил Руперт и направился в гостиную, выполнявшую также и роль столовой.

Через некоторое время Том принес поднос, уставленный едой, и быстро и ловко сервировал завтрак. Виггс обладал массой талантов и заменял в быту целый штат слуг, поэтому графа иногда даже мучила совесть из-за того, что он заставляет камердинера выполнять обязанности, не соответствующие роли комнатного слуги при господине.

Бекон был поджарен ровно так, как Руперт любил, булочки благоухали, а от чашки с чаем поднимался ароматный пар. Граф Рэйвенвуд взял принесенную Томасом свежую газету, развернул ее и углубился в чтение большой статьи о грядущей войне, так что не сразу заметил, что слуга не ушел.

– Что такое, Том?

– И вы не собираетесь спросить, кто теперь живет в вашем доме, милорд? – Виггсу удавалось сочетать элегантно-ехидство с лакейским тоном так, что граница между слугой и хозяином не нарушалась, но Руперт сразу понимал, что совершил какую-то ошибку. Видимо, по мнению Тома, графу непременно следовало интересоваться новыми соседями, как и подобает в меру любопытному джентльмену.

Придется спросить, иначе не отвяжется.

– И кто же почтил нас своим присутствием?

– Это две дамы, милорд. Леди в летах и ее племянница, которая дебютирует в лондонском свете. Они приехали из Глазго. У молодой дамы нет титула.

– Но достаточно средств, чтобы снять мой особняк, – заметил Руперт. Том слегка поклонился:

– Вы, как всегда, угадали. Ее отец – богатый промышленник и достойный человек, один из известных людей Глазго. Они привезли всю мебель с собой, заново отделали большую часть комнат...

– Все это ты узнал от кухарки?

– Нет, милорд. От посудомойки, весьма достойной дамы.

К женщинам Виггс относился почтительно, хотя и не гнушался постоянно использовать их в своих целях.

– Мне приготовить ваш серый костюм, милорд?

– Ты полагаешь, что следует нанести визит?

Том кивнул.

– Не считаю, что это будет уместным в данный момент, – сказал Руперт, вновь берясь за газету. – Возможно, позже.

– Милорд...

– Ты свободен, Том. Я позову тебя, когда закончу.

Слуга удалился, недовольно фыркая, однако Руперт не счел нужным обратить на это внимание.

Конечно, рано или поздно визит придется нанести, но граф надеялся, что с этим удастся повременить. И дело не в нежелании Руперта свести знакомство с двумя дамами, а в его, скажем так, не блестящем финансовом положении. С некоторых пор оно стало тяготить графа Рэйвенвуда, и хотя в обществе было достаточно людей, подобных ему, которые жили либо

не по средствам, либо еле сводя концы с концами, вот уже несколько месяцев Руперта волновал вопрос: что же дальше?

Ему двадцать пять, и если он желает выполнить свой долг перед обществом, то пора начинать подыскивать супругу. Если жениться, то непременно на девушке состоятельной, ибо нынешних средств графа определенно не хватит на то, чтобы обеспечить благоверной достойную жизнь. У него и так масса задолженностей перед всеми, от зеленщика до портного, и лишь оборотистостью Вигтса можно объяснить тот факт, что у порога еще не выстроилась толпа недовольных кредиторов. Проблема была решаемая, но нынче утром Руперту не хотелось об этом думать. Он перевернул газетную страницу.

Глава 2

В комнате, оказавшейся весьма светлой и просторной, что для старинных домов редкость, Луизу ждали Мойра и чемоданы. Мойра, милая девушка лет двадцати, приехала с мисс Грэхем и леди Крайтон из Глазго, как и камеристка тети Ви, Сара. Остальные слуги достались дамам вместе с арендованным особняком и отличались от прислужниц удивительным умением исчезать и появляться, словно джинны в восточных сказках. Мойра этим высоким искусством не владела, но, пока хозяйки пили чай, успела немного освоиться и даже переместить содержимое почти всех чемоданов, кроме одного, наполненного книгами, на положенные места: платья – в гардеробную, белье – в комод, а несессер – на туалетный столик.

– Мисс Луиза, – девушка присела в изящном книксене, прижав к груди стопку нижних юбок, только что извлеченных из чемодана. – Я уже почти закончила.

– Не торопись, Мойра, я только возьму книгу и пойду в сад. Кажется, там можно в тишине и покое почитать, не опасаясь, что вокруг будут возникать и загадочным образом исчезать здешние слуги.

– Вы тоже это заметили?

– О да!

– Если честно, меня это пугает. – Девушка наконец рассталась с нижними юбками, разложив их в ящике комода.

– Не бойся, Мойра. Ты, как моя камеристка, стоишь выше всех местных слуг, кроме разве что дворецкого, поэтому можешь не только не робеть перед ними, но и располагать их услугами по своему усмотрению. Хотя, конечно, подружиться с обитателями дома было бы разумнее. Ведь от слуг всегда можно узнать много интересного и полезного.

– Конечно, мисс, – просияла Мойра. – Я понимаю.

Луиза улыбнулась в ответ, достала из несессера книгу, которую не успела дочитать в дороге, и отправилась искать выход в сад. Долго блуждать не пришлось: первый же встреченный ею лакей проводил девушку до нужной двери, предупредительно распахнул ее перед Луизой и широким жестом обвел открывшийся взору пейзаж: слегка запущенный, но от этого еще более очаровательный сад. Луиза поблагодарила предусмотрительного юношу, отказалась от дальнейшего сопровождения и углубилась в живописные заросли в поисках той укромной скамейки под розами, которую успела заметить из окна.

После завтрака Руперт решил, что небольшая прогулка не повредит, а потом можно будет заехать в клуб. Стояло восхитительное утро, едва пробило одиннадцать, и шансы встретить кого-либо в большом старом саду равнялись нулю. Слугам из главного дома нечего было делать среди разросшихся розовых кустов и тенистых деревьев, а благородные дамы, если и захотят усладить себя прогулкой, вряд ли совершат ее раньше полудня. Привычки лондонского света во время летнего сезона трудно было назвать непредсказуемыми: поздний подъем, нанесение визитов или прием гостей, а вечером – какой-нибудь бал, поход в клуб, театр или на музыкальное собрание. Поэтому, бредя по дорожке среди кустов, раскинувших свои ветви так, что и пройти было нельзя, не задев их, Руперт не ожидал никого встретить.

И ошибся.

Женщина была в светлом платье – только оно и позволило различить ее силуэт на скамейке под аркой вьющихся роз, принявших в последнее время вид дикий и надменный. Руперт сделал еще пару осторожных шагов и остановился, надежно укрытый тенью зарослей. Незнакомка, сидевшая на скамье, не услышала и не увидела его; пожалуй, даже если бы граф топтал, как индийский слон, он вряд ли привлек бы к себе ее внимание. Девушка была так увлечена чтением, что остальной мир для нее не существовал. Граф еле слышно

хмыкнул. Он прекрасно знал подобное состояние – и тоже очень любил погрузиться в мир книги, сидя на этой самой скамье. Какое интересное совпадение!

Впрочем, это одно из самых прелестных укромных местечек в старом саду, поэтому неудивительно, что девушка выбрала именно его...

Она была молода – по всей видимости, младшая из тех двух дам, которые сняли графский особняк и расположились в нем со всеми удобствами. В кои-то веки Руперт порадовался оборотистости Тома и его любопытству в отношении чужих дел: если бы слуга не узнал на кухне о новых жильцах, появление незнакомки в саду оказалось бы для графа полнейшей неожиданностью. Сейчас он смотрел на нее издалека, видел, как она бессознательным жестом провела по волосам, словно пытаясь заправить за ухо выбившуюся из прически прядь, и думал. Девушка подняла голову, окинула окрестности невидящим взглядом и снова обратилась к книге. Страницы она переворачивала быстро, но было видно, что девушка не пробегает строки глазами, а внимательно вчитывается в каждую из них.

Не красавица, отметил про себя Руперт, весьма равнодушный к блондинкам. Волосы уложены в простую утреннюю прическу, и непонятно, выются они или нет, – похоже, что все-таки нет. Чем именно утреннее платье девушки отличалось от сотен других утренних платьев, граф затруднился бы ответить, однако оно выгодно подчеркивало ее высокую хорошо развитую грудь – это Руперт разглядел превосходно. Ее сосредоточенное лицо с крупными чертами не имело ни грамма той аристократической бледности, коей любят щеголять некоторые дебютантки; на щеках цвел здоровый румянец, и, ко всему прочему, незнакомка успела где-то загореть. Похоже, ей было все равно, что загар по-прежнему считается слегка вульгарным. Ну и ну.

Значит, это одна из новых хозяек дома. Руперт припомнил, что говорил о ней Том: скорее всего, племянница старшей дамы, та, что без титула, дочка богатого промышленника. Да уж, если отцовских денег без счета, можно не беспокоиться о том, что тебя не примут в большинстве домов, а чтобы приняли во всех, денег должно быть не просто много, а неприлично много. Судя по тому, что дамы без колебаний заплатили значительную сумму за аренду старого особняка и сами обставили пустующие комнаты, перед юной мисс откроются все двери лондонского света. И ни ее несоответствие канонам красоты и поведения, ни ее происхождение не станут помехой для ослепительного дебюта.

Сколько же ей лет? Хм... Наверное, больше семнадцати? Лицо незнакомки было из тех, по которым сложно определить истинный возраст; если дама следит за собою, то подобным образом она может выглядеть и в сорок. Нет, конечно, эта юная леди значительно моложе: сей нежный оттенок кожи и свежее сияние ни с чем не спутаешь. Она, очевидно, не замужем. Ей чем-то не угодило общество в Глазго или она захотела сделать выгодную партию в столице?..

Руперт еще некоторое время разглядывал грудь незнакомки (он бы и рад был осознать, что его привлек в первую очередь духовно богатый внутренний мир девушки и ее склонность к утреннему чтению, но самому себе граф не врал никогда), а затем осторожно попятился, развернулся и в глубокой задумчивости пошел обратно к своему флигелю. Подобное соседство сулило как сложности, так и выгоды.

Руперт хотел расспросить Тома подробнее, однако слуга снова куда-то исчез. И граф решил отправиться к поверенному и навести кое-какие справки о внезапно заинтересовавших его новых жильцах.

Поверенный Руперта занимал крохотный кабинет в деловом центре Лондона, среди десятка таких же небольших контор. Уильям Адамс обходился услугами одного лишь секретаря, прыщавого унылого молодого человека, от которого граф сроду и слова не услышал, а помнил лишь потому, что юноша был обладателем огромной бородавки над верхней губой.

Секретарь постучал в дверь, ведущую в кабинет Адамса, дождался разрешения войти и распахнул ее перед Рэйвенвудом; тот прошел мимо, на мгновение ощутив запах рыбы и чеснока.

– Ваша светлость. – Адамс, благообразный сидящий человек, имеющий самую подходящую внешность для своей профессии, поднялся при виде клиента. – Добро пожаловать. Я не ждал вас так скоро.

– И не успели спрятать поддельные бухгалтерские книги? – пошутил Руперт. Улыбка Адамса мгновенно погасла, он начал:

– Если вы полагаете, что я...

– Всего лишь шутка, Уильям, неудачная шутка, – прервал его граф и без приглашения уселся в кресло напротив стола поверенного. – Приношу свои извинения. Сегодня утром я несколько рассеян.

Причиной была та девушка в саду. Впрочем, вслух об этом говорить не следовало.

– Моя репутация очень дорога мне, милорд. Я надеюсь, что вы не шутите подобным образом в присутствии других людей.

«Все этим утром меня порицают».

– Уверю вас, нет.

Немного успокоенный, Адамс опустил на стул и спросил:

– Что привело вас сюда сегодня?

Обычно поверенный отчитывался перед графом Рэйвенвудом о состоянии дел только в конце месяца; в прошлый раз речь шла как раз об аренде особняка, однако Руперт, занятый своими несерьезными и беспечными, как полет мотылька, мыслями, всего лишь дал формальное согласие, обрадовался сумме аренды и прикинул, что наконец сможет заплатить портному. Имен арендаторов он и слушать не стал. Да что там, вся встреча с поверенным уложилась в три минуты.

– Тем не менее сейчас у меня возникли вопросы касаясь... э-э-э... новых жильцов в доме на Гросвенор-сквер.

– Они внесли все необходимые суммы и за свой счет обновили обстановку. Вы сказали, что не хотите знать подробностей, однако, если вас интересуют сметы...

– Нет, это пусть останется на вашей совести. – Руперт нервно постучал пальцами по набалдашнику трости. – Мой слуга сообщил мне, что в дом въехали дамы, которые проведут сезон в Лондоне. Было бы весьма невежливо оставить их без внимания, учитывая то, что я живу по соседству. Но прежде чем наносить визит, я желал бы знать, кто мои гости – дабы никто не оказался в неловком положении.

– Разумеется. – Адамс позволил себе скупую улыбку. – Особняк арендовала Вильгельмина Огден, леди Крайтон, вдова, сопровождающая незамужнюю племянницу, Луизу Грэхем. Как я понял из данных мне объяснений, целью приезда явился выход мисс Грэхем в лондонский свет и ее возможное замужество.

– Мисс Грэхем формально не принадлежит к высшим слоям общества, не так ли? – Граф решил проверить сведения, которые узнал от Тома.

– Смотря что в наш век считать высшим слоем, милорд. – Адамс окинул клиента внимательным взглядом, по которому, однако, невозможно было угадать мысли поверенного. Вероятно, он считал графа Рэйвенвуда весьма недалеким молодым человеком, представителем вырождающегося класса. И, надо признать, Руперт это мнение в глазах других, да и подчас в своих собственных полностью оправдывал. – Мисс Грэхем – дочь Майкла Грэхема, весьма состоятельного человека, происходящего от нетитулованных шотландских землевладельцев.

– Из тех, что проделали долгий путь от хижины у озера Лох-Морар до элегантных гостиных? – хмыкнул Руперт.

– Не совсем. Эту дорогу прошел отец мистера Грэхема, а сам он, так сказать, успешно продолжил дело предков. Вас интересует, чем он занимается?

– Да, пожалуй. – Хорошо бы знать размеры состояния этой девушки. Ее физические достоинства Руперт оценил, а вот все остальное... – Тогда я смогу поддержать с дамами интересный разговор.

– Сейчас Майкл Грэхем – старший совладелец компании «Грэхем и К^о».

– А кто, кроме мистера Грэхема, является собственником предприятия?

– Младший партнер, Мортимер Фланнаган. Его дед и отец Майкла вместе начинали свое дело, однако со временем контроль над компанией отошел к Грэхемам, и хотя Фланнаганы по-прежнему остаются партнерами, решающий голос принадлежит не им.

Понятно. Шотландцы вместе пасли овец на зеленых склонах, а потом решили податься в город на заработки. Оба преуспели, но мормэр¹ у клана бывает лишь один.

– Ясно, – сказал Руперт. – И чем же занимаются эти достойные люди?

– В основном промышленностью, милорд. У Грэхема есть ткацкие фабрики, металлообрабатывающие заводы, причем все они оснащены самым современным оборудованием. Я читал об этих фрезерных станках... впрочем, это излишние подробности. Так как компания находится в Глазго, естественно, что мистеру Грэхему принадлежит и верфь, на которой в прошлом году были спущены со стапелей два фрегата для английского флота. Кроме того, компания занимается инвестициями, в основном в Новом Свете. Не рискует, но всегда остается с прибылью. Как вы видите, ничего предосудительного. Ходят слухи, что «Грэхем и К^о» будет участвовать в строительстве железных дорог.

– Неплохо, верно? – Руперту нравились железные дороги, и он всецело ратовал за их строительство – куда как удобнее ехать в вагоне на мягких подушках, нежели трястись в дилижансе по проселкам.

– Несомненно, милорд.

– А за дочерью, надо полагать, Грэхем дает солидное приданое?

– Мисс Луиза – его наследница.

– Наследница? – уточнил Руперт, всем телом подавшись вперед. – У него нет сына?

– Увы, мать девушки умерла рано, а Майкл Грэхем так и не женился вторично. Мисс Луиза, если и не унаследует все средства отца и утратит контроль над компанией после его кончины, все же непременно получит большое состояние, которое позволит ей вести ту жизнь, к коей она привыкла. Говорят, мистер Грэхем в дочери души не чает.

Уильям Адамс наверняка разгадал причину, по которой граф Рэйвенвуд заинтересовался молодой женщиной, однако был достаточно деликатен, чтобы никак это не прокомментировать. Погоня за богатой наследницей являлась у английских джентльменов одним из видов национального спорта, особенно если в кармане зияла дыра, а владелицы огромных состояний не спешили осчастливить господ своим вниманием. Эта игра появилась давно, и к ней привыкли настолько, что даже стали получать от нее немалое удовольствие.

– Благодарю вас, мистер Адамс, – произнес Руперт, вставая, – вы мне очень помогли. Теперь я смогу поддержать беседу с дамами на должном уровне.

– Не сомневаюсь, – пробормотал Адамс себе под нос. Граф сделал вид, что не услышал.

---

¹ Древнее название вождей шотландского клана.

Глава 3

В клубе, где Руперт бывал практически ежедневно, к полудню собралось уже немало джентльменов. Пока жены и возлюбленные просыпались и проводили несколько часов перед зеркалом, дабы сделаться почти идеальными, словно на картинах Томаса Лоуренса², мужчины обменивались последними новостями, обсуждали газетные статьи, пили чай (а некоторые – более крепкие напитки, призванные сгладить последствия бурной ночи) и предавались тому восхитительному ничегонеделанию, которое прекрасно само по себе, если, конечно, у вас есть вкус и возможность себе это позволить.

Граф Рэйвенвуд любил клуб не только за пространные разговоры, которые вели здесь образованные люди, но и за ту неуловимую атмосферу благополучия, которая всегда царит в подобных заведениях. Даже если у вас денежные затруднения и кредиторы выстроились в очередь под окнами вашего поверенного (в крайнем случае – под вашими), даже если случилась душевная драма, в клубе всегда можно найти утешение, совет и отдых от мрачных мыслей. Это маленький мужской рай, куда так приятно заходить, еще не вознесясь на небеса. Здесь, среди дубовых панелей и сдержанных картин с изображениями морских баталий, великих людей и успокаивающей природы, среди ароматов кубинского табака и благородного сигарного дыма, зачастую решались важнейшие жизненные вопросы и заключались сделки, в том числе брачные, здесь можно было встретить тех людей, которых не встретишь нигде более.

Клуб «Эймс», в котором состоял Руперт, был невелик и удобен для молодежи – сюда можно было попасть по рекомендации действительного члена клуба, едва вам исполнится двадцать, тогда как во многих местах не разрешалось переступить порог, пока не стукнет тридцать. Иногда граф, желая последовать примеру некоторых своих знакомых, подумывал о возможности членства в нескольких клубах сразу, однако, по спокойном размышлении понимал, что не сможет ни вести столь насыщенную светскую и общественную жизнь, какая для этого требуется, ни платить внушительные членские взносы. На «Эймс» ему хватало, кроме того, здесь состояло немало интересных людей и часто появлялись гости из других клубов – так чего было еще желать?

Клуб располагался неподалеку от Пэлл Мэлл – первой улицы в Лондоне, где появились газовые фонари, – словом, в районе престижном и уважаемом. Когда Руперт вошел в одну из просторных гостиных – Дубовую (кроме нее имелись еще Ясеновая, Сосновая и прочие), там уже находилось человек десять. Мужчины вели оживленные разговоры. За самым лучшим столом, у окна, собралась небольшая компания, и граф направился именно туда.

– А, вот и вы, граф! – приветствовал его сэр Найджел Гринуэй, человек тридцати с лишним лет, обладатель звонкого голоса и приятной внешности. Увы, несколько лет назад с сэром Найджелом произошел несчастный случай: коляска, которой он управлял, перевернулась, и с тех пор сей достойный джентльмен передвигался медленно, сильно хромя и опираясь на внушительную трость. Физические недостатки он компенсировал острым умом. – Мы не сомневались в вашем скором появлении и даже оставили для вас кресло.

Руперт любил именно это кресло – старое, чуть потертое, благородно скрипящее, – и был благодарен друзьям за внимательность.

– Спасибо, Гринуэй, вы, как всегда, меня порадовали.

Кроме Найджела, за столом, большую часть которого занимали разнообразные блюда и чашки, присутствовали еще двое: Александр Блоу (барон Джестер) и сэр Фредерик Лэмпсон.

---

² Томас Лоуренс (1769-1830) – известный английский художник-портретист, в творчестве которого ярко прослеживаются идеалистические тенденции.

Обоим еще не исполнилось тридцати, однако они были старше Руперта, что, впрочем, не мешало ему периодически выигрывать у них в спорах.

Недавно женившийся Блоу имел мечтательный вид, столь присущий счастливым супругам. Это служило темой беззлобных шуток со стороны друзей, еще не связавших себя узами брака и не имеющих постоянной сердечной привязанности. Гринуэй иногда по привычке называл их маленькую компанию «столом холостяков», и хотя, разумеется, они были не единственными членами клуба, общался Руперт чаще всего именно с ними.

Усевшись в кресло и изложив подошедшему официанту свои пожелания, граф отметил:

– Удивительно хороший сегодня день.

– Вот как? А мне кажется, мы скоро задохнемся от лондонского смога, – фыркнул Лэмпсон. Он был чертовски хорош собой, его яркая красота заставляла словно отодвигаться в тень очарование сэра Найджела и спокойную миловидность довольно хрупкого барона Джестера; Руперт же не задумывался над тем, как он сам выглядит на фоне человека, обладающего столь выразительным физическим совершенством. – Когда дождь все-таки изливается на наш многострадальный город, мне кажется, будто на меня льется дым из фабричных труб. Иногда я думаю, что лучше бы эта машинная революция не случалась вовсе.

– И мы жили бы в грязи, без света и без техники, которая сейчас облегчает нам существование? – возразил Руперт. Разговоры о погоде, столь типичные для клубов, в кругу молодежи быстро уступали место более важным темам. – Увольте, сэр, ни за что!

– Я знаю, что вы любите эти гроыхающие чудовища, однако скажите, бывали ли вы хоть раз на фабрике? Видели ли это невероятное машинное безумие, что овладевает умами? Промышленники с севера ходят нынче важнее павлинов, а что они дают нам, кроме шума и смога?

– Ткани для наших костюмов и платьев наших леди, предметы, что заполняют наши дома, и транспорт, который позволяет нам передвигаться все быстрее, – произнес сэр Найджел прежде, чем Руперт успел ответить. Граф был благодарен своему другу за вмешательство, так как, хотя и пользовался доступными ему благами прогресса, не давал себе труда особо в них разобраться. Статьи о промышленности он обычно просматривал бегло и тут же забывал о прочитанном. – В постоянно меняющемся мире лучше сохранять первенство, не так ли? И если английские товары будут самыми лучшими, то мы, джентльмены, получим от этого прямую выгоду.

– Вы никак заделались торговцем? – удивленно воскликнул Лэмпсон. – Господь всемогущий, Найджел! Так ведь недолго и испачкаться в фабричной грязи!

Слово «торговец» для джентльмена считалось едва ли не оскорблением, однако Гринуэй лишь улыбнулся.

– Я всего лишь пытаюсь смотреть в будущее. Коль скоро ни одна леди не спешит осчастливить меня и стать хозяйкой моего поместья, надо чем-то занимать ум, иначе он покроется копотью лени, и тогда уж точно не удастся выбраться к светочу знания и понимания. Вы согласны, Рэйвенвуд?

– Вы правы в том, что понимание и знания – это то, что двигает нас вперед. Однако я не нахожу ничего привлекательного в тонкостях фабричных дел и вряд ли когда-нибудь сойду с ума настолько, что заинтересуюсь этим. Разве что дабы произвести впечатление.

– На даму? – произнес до сих пор молчавший барон Джестер. – Где же вы найдете такую, которую увлекут подобные разговоры?

Руперт взял чашку кофе, поданную официантом, отпил глоток, оценив горький вкус, и ответил:

– В самом деле, отыскать такую сложно, однако может случиться так, что впечатление нужно будет произвести не на девушку, а на ее отца. И даже если дама ничего не понимает в

науке и прогрессе, разве плохо показаться в ее глазах умным и сведущим человеком? Каждый дурак может обсуждать Гомера.

Гринуэй захохотал:

– Что вы говорите, Рэйвенвуд! Далеко не каждый дурак!

– Ладно, любой юноша с хорошим образованием, еще не позабывший свой Итон или Оксфорд, – так вас больше устроит, мой друг? В обсуждении поэзии много ума не требуется, нужен лишь хорошо подвешенный язык да собственное мнение насчет образов, которых коснулся тот или иной любитель словесности. Стоит вам запомнить несколько строчек – и вот юная наследница уже трепещет в предвкушении, смотрит на вас нежным взглядом и считает чуть ли не Вордсвортом³. «Не раз я видел Люси Грей в задумчивой глуши...» Но отец девушки невосприимчив к озерным балладам. Ему важно обеспечить счастье дочери, подобрав ей удачную партию. Но у каждого, как известно, выгода своя.

– И какую же выгоду хотите извлечь вы, раз вам понадобились рассуждения сэра Гринуэя о прогрессе? – с иронией поинтересовался Фредерик Лэмпсон.

– Я всего лишь подстилаю солому перед возможным падением. – Руперт скупно улыбнулся. – Мне предстоит нанести визит дамам, происходящим из промышленной семьи. Они привыкли слышать подобные разговоры, поэтому с моей стороны было бы глупо не изучить вопрос. – О весьма небольшой глубине своих знаний в этой области граф благоразумно умолчал.

– Боже мой, Рэйвенвуд! – скривился Фредерик. – Как можно даже говорить об этом! Вы отправитесь в какое-нибудь захолустье, чтобы протирать штаны в мрачной закопченной гостиной? Ради чего? Неужели на вас свалился некий долг, или же вы...

– Ах, оставьте предположения, Лэмпсон, дайте ему сказать! – воскликнул Александр.

– В самом деле, все не так плохо, как вам показалось. Эти дамы сняли мой особняк на Гросвенор-сквер, и долг чести обязывает меня навестить их.

– Погодите, погодите! – воскликнул сэр Найджел взволнованно. – Не идет ли речь о леди Крайтон и ее племяннице?

Граф не смог скрыть своего удивления:

– Вам известно о них? Но откуда?

– Моя сестра пригласила их на завтрашний вечер. Будут музыка, танцы и угощение... Да вы все сами знаете, вы же приглашены! Анетт познакомилась с племянницей леди Крайтон во время нашей поездки в Глазго год тому назад и с тех пор иногда обменивалась с нею письмами. Большой дружбы сестра не завела, но не пригласить этих людей было бы невежливо. Отец молодой дамы, мистер Грэхем, – весьма известная личность в Глазго и окрестностях, да и в Лондоне его знают в определенных кругах. Поговаривают, он богат просто до неприличия.

– И нетитулован? – ухватил самую суть Фредерик.

– К сожалению, нет. Однако, удачно выйдя замуж, его дочь может войти в аристократический круг, как это сделала некогда его сестра. Деньги распахивают все двери... хотя наша открылась благодаря гостеприимству Анетт.

– Так, так! – воскликнул Лэмпсон. – Богатая наследница – и живет в вашем доме, Рэйвенвуд? Вот это удача!

– Не стоит хвастаться еще не загнанным зверем, – хмыкнул Руперт. Если граф выкажет явный интерес к этой девушке, то, несомненно, лишь спровоцирует приятеля: Фредерик обожал конкуренцию, и финансовые дела его, по слухам, были не блестящими. – Я всего лишь должен нанести визит вежливости и обязан подготовиться к нему, коль скоро мои гости столь... хм... необычны.

---

³ Уильям Вордсворт (1770-1850) – знаменитый английский поэт-романтик, основатель «Озерной школы».

– Не нашего круга, вы хотите сказать.
– Фредерик! – укоризненно произнес барон Джестер.
– Позвольте, Лэмпсон, вы ошибаетесь. Леди Крайтон – дама нашего круга.
– Конечно, ведь этому поспособствовал пышный свадебный обряд...
– Не стоит быть настолько циничным, дружище, – заметил сэр Найджел. – Предполагаю, что мы будем иметь дело с самыми настоящими леди, иначе Анетт никогда бы не стала поддерживать с ними связь.

Руперт внимательно взглянул на друга, однако не уловил за его словами ни тени притворства. Найджел Гринуэй, несмотря на остроту своего ума и ясность суждений, в области чувств обычно оказывался беспомощным, словно заплутавший в лесу маленький мальчик. Он не видел ни женских уловок, ни материнских интриг и принимал все за чистую монету. Граф полагал, что Анетт Гринуэй, весьма решительная молодая особа, несмотря на юный возраст, поддерживала дружбу с Луизой Грэхем не только из-за неземной красоты или очарования последней. В хитроумной женской головке вполне мог вызреть целый план по поиску невесты для увечного брата. И если это так и есть, сэру Найджелу следует поостеречься. Или насторожиться следует Руперту?

В конце концов, себе он не лгал никогда. И эти разговоры о мисс Грэхем, и визит к поверенному – все было сделано ради сбора сведений о той, которая за короткое время могла произвести на графа впечатление.

Руперту хотелось увидеть ее при других обстоятельствах, однако он сомневался, что следует нанести визит завтра утром. Слишком отвлекающей будет для графа мысль о том, что он идет к женщинам, состояние которых позволяет им заплатить немалую сумму за проживание в фамильном особняке Рэйвенвудов. Все будут ощущать себя стесненными, а чувство неловкости – не то впечатление, которого Руперт хотел бы добиться от первого знакомства. Прежде чем наносить визит, графу нужно было удостовериться в необходимости такого, а значит, требовалось собрать больше сведений об интересующих его лицах.

И Руперт знал, к кому он может обратиться.

Утро, как и предсказывала тетушка Ви, принесло сюрпризы. Войдя в малую столовую, где накрыли к завтраку, Луиза сразу же заметила, что леди Крайтон увлеченно сортирует визитные карточки, громоздящиеся солидной кучей на серебряном подносе.

– Доброе утро, тетя Ви. – Девушка заняла свой стул, расправила белое утреннее платье с ярким зеленым поясом и зеленым кружевным воротничком, жестом согласилась на чай, предложенный лакеем, и с трудом подавила желание задать вопрос, ответ на который был очевиден. Судя по количеству приглашений, Лондон уже узнал о появлении на рынке невест новой богатой наследницы.

– Доброе утро, дорогая, – отозвалась тетя, не отвлекаясь от своего занятия. – Кажется, нам с тобою надо срочно отправляться по магазинам.

– Если среди этих приглашений и визитных карточек есть что-то срочное, то, как ты знаешь, у нас с тобой еще имеется парочка вполне подходящих платьев, – пожала плечами Луиза.

– О нет, милая, – покачала головой леди Крайтон. – Для твоего первого выхода в свет в Лондоне нужно нечто совершенно особенное.

– Тетя, – вздохнула Луиза. – Ты же прекрасно знаешь, что по статусу мне положено белое платье. И точка. Так что... ничего тут не придумаешь. Никакого «совершенно особенного». Просто белый шелк или атлас, скромное декольте, флердоранж и несколько локонов, якобы случайно выбившихся из прически.

– Всегда можно придумать что-нибудь необычное, – отмахнулась от возражений леди Крайтон. – Поверь мне.

– Я верю. Только судя по тому, что все эти люди прислали нам столько карточек и приглашений, им абсолютно все равно, как я выгляжу и в чем появлюсь на балу или музыкальном вечере. Даже если это будет мешок. Главное, чтобы он был белый. Интересная идея... Может, мне стоит отвергнуть этот цвет – который, кстати, мне совершенно не идет и превращает меня в весьма упитанную ночную моль, – и выбрать любой другой? Мне идут яркие цвета, облегающие лифы с декольте на грани скромности, струящиеся юбки с небольшим шлейфом... М-м-м...

Леди Крайтон отложила приглашения и даже отодвинула в сторону поднос:

– Насколько я поняла, тебя посетила очередная безумная идея.

– Абсолютно правильно. И я уверена, что, как настоящая дочь Шотландии, ты мою идею полностью поддержишь.

– Я бы не стала ставить на это состояние, но вероятность такая есть, – рассмеялась леди Крайтон. – И, какова бы ни была твоя задумка, для ее осуществления требуется посетить магазины и модисток.

– И как можно скорее. Нам понадобится много денег и очень много времени. Так что не рассчитывай, что мы выйдем в свет в ближайшие дни. Не раньше следующей недели, я бы предположила.

– Видимо, идея у тебя уж очень оригинальная.

– Не очень, но дай только срок.

Глава 4

Том был весьма недоволен тем, что его хозяин не торопится нанести визит в особняк, однако Руперт обмолвился, что обе дамы будут представлены ему сегодня на приеме у Гринuéв, и слуга оживился. «Пожалуй, все вокруг хотят, чтобы я поскорее женился», – раздраженно подумал граф, застегивая пуговицы на темно-синем сюртуке. Костюм для верховой езды сидел хорошо, однако выглядел уже не лучшим образом, и Руперт решил, что стоит в ближайшее время навестить портного. Следует обзавестись парой приличных новых вещей, если, конечно, намерение вести атаку по всем правилам не угаснет.

Вчера, к тому моменту, когда граф собрался домой, новость о приезде богатой невесты уже разлетелась по клубу, об этом говорили многие мужчины, и у Руперта не было никакой возможности воспрепятствовать. За неделю о событии узнали все заинтересованные лица. Граф и не надеялся, что ему удастся сохранить новость в тайне, он уповал лишь на свои преимущества. Дамы живут в его доме, сам он не так плох, как может показаться недалеким людям, кроме того, граф, черт побери, умеет быть обаятельным! Вопрос в том, стоит ли расчехлять весь арсенал уловок ради мисс Грэхем.

Она недурна собою. Хотя любовался ею граф недолго и издалека, сегодня вечером у него будет возможность это исправить. Да, она не принадлежит к аристократии, но ведь он давно решил для себя, что главным в выборе невесты будет не столько внешняя привлекательность и высота статуса, сколько размеры приданого. В его положении выбираешь лишь между большим состоянием и меньшим, и тут ничего не поделаешь. Граф Рэйвенвуд не мог назвать себя в полной мере романтической натурой: иногда ему случалось прослезиться над трогательным абзацем в книге, стихотворения и музыка также не оставляли Руперта равнодушным, но в повседневной жизни беспечность графа сочеталась с трезвым расчетом, который, правда, ограничивался мыслью о необходимости найти себе обеспеченную жену.

Что хорошего в том, что самые дорогие булавки для галстуков давно проданы, одежда и обувь потеряли свой вид, а с недавних пор Руперт стал опасаться сесть за карточный стол, дабы не проиграть последнее? Граф любил игру в бридж, хотя и не так, как его отец. Руперт умел остановиться, к тому же обычно ему везло. Так говорили. Сам же Руперт знал, что везение – это далеко не все. Внимание к мелочам, умение скрывать эмоции, верный расчет – вот что важнее. Несмотря на сопутствующую Руперту удачу в картах, деньги испарялись, их катастрофически не хватало, а потому аренда особняка оказалась для графа спасением. Но так не могло продолжаться вечно. Руперт понимал, что он обязан выгодно жениться, продолжить род и совершить все общественные шаги, которых от него ожидают. Так его воспитали. Графский титул никогда не был для Руперта чем-то незначительным. Нет, молодой человек в полной мере ощущал свою принадлежность к древнему славному роду и не собирался размениваться по мелочам.

Впрочем, несмотря на разборчивость, успехов на матримониальном поприще граф не достиг. Его семья имела определенную репутацию, и выдать замуж за Руперта своих невинных дочерей родители не торопились. Было несколько подходящих партий, которые граф считал для себя приемлемыми, только, несмотря на проведенную по всем правилам атаку, ни одна девушка ему не досталась. Родители были начеку, а иногда сами наследницы, несмотря на исключительное обаяние потенциального жениха, воротили от него нос, и каждый раз охота заканчивалась ничем. Временами граф с раздражением думал о том, что все более привлекательным способом заполучить жену становится бессовестное соблазнение оной и поспешный отъезд в Гретна-Грин. Пока ему не удавалось провернуть подобную аферу, так как совесть была сильнее, только вот голос ее становился все тише и тише.

Чтобы окончательно утвердиться в своих намерениях касаясь Луизы Грэхем, Руперт принял решение отправиться на верховую прогулку в Гайд-парк. Обычно там он скучал, однако сегодня ему нужно было поговорить с одним человеком, который, как граф знал, бывает там постоянно.

Лошадей Рэйвенвуд не держал. Во-первых, для этого не было места, а во-вторых, скудные средства не позволяли кормить и поить чистокровного скакуна и платить конюху. Если бы Виггс умел ухаживать за лошадьми, возможно, Руперт и приобрел бы какую-нибудь кобылку, однако таланты Тома на животных не распространялись. Лошадей он старался обходить подальше и называл их не иначе как «эта зверюга».

Потому для выездов Руперт пользовался наемным экипажем или же, если ему требовалось прокатиться верхом, любезностью жившего неподалеку барона Джестера, чьи конюшни славились на весь Лондон. С утра Том сходил с запиской к Александру, и к полудню конюх привел огромного рыжего жеребца свирепого вида, явно ненавидевшего все живое. Первым делом он попытался цапнуть графа, однако Руперт, росший в деревне в пору сомнительного достатка, был прекрасно обучен верховой езде и обращению даже с самыми строптивыми лошадьми. Он проехал на жеребце, которого звали Одиссей, пару кругов по саду и к концу этой короткой поездки животное умиротворил. Конюх уселся с Томом пить чай и обсуждать сплетни, а граф отправился в Гайд-парк.

Там, как обычно, было много людей, выбравшихся на прогулку в этот ясный погожий денек. Руперт проехал по аллеям, разыскивая нужного ему человека и попутно здороваясь со знакомыми, наконец, он увидел его неподалеку от пруда. Лорд Джозеф Пэджет восседал на спокойной арабской кобыле и задумчиво созерцал водную гладь. К счастью, рядом с ним не было знакомых, при которых Руперт вряд ли завел бы нужный разговор.

Граф подъехал шагом и осадил Одиссея, заинтересованно потянувшегося к кобылке. Пэджет, заметив приятеля, весело ему кивнул, тут же утратив свой задумчивый вид.

— Вот так сюрприз, Рэйвенвуд! Как это вы совладали с природным отвращением к дневным прогулкам и выбрались сюда?

— Только ради вас, мой друг, только ради вас. Вы ведь не любите приемы, что начинаются после пятичасового чая, а мне просто необходимо поговорить с вами.

Джозеф Пэджет был одним из самых предприимчивых людей, которых знал Руперт. Несмотря на титул и доставшееся от родителей крупное состояние, лорд обладал непреодолимой тягой к приумножению денег и занимался делами с таким воодушевлением, с каким разве что художники рисуют свои пейзажи. Пэджет владел несколькими фабриками, вкладывал средства в судостроение и не оставлял без внимания богатейшие фамильные угодья, приносившие ему раз за разом все больше и больше дохода. В обществе это его увлечение считали довольно странным, а потому многие сторонились лорда Пэджета. Руперт к такому не относился, хотя также не разделял энтузиазма приятеля в том, что касалось такого вульгарного дела, как заработок. Джозеф знал всех и вся в деловом мире Англии и Шотландии, и именно он мог рассказать, настолько ли хороша богатая невеста Луиза Грэхем, как о ней говорят.

— Я так и знал, что вы объявитесь, — усмехнулся лорд Пэджет.

— Вот как? Почему?

— Сначала ответьте, о чем вы хотели со мной поговорить, а я скажу, угадал ли я ваши намерения.

С этим человеком не имело смысла играть в светские игры, в течение часа обсуждая погоду, а уж затем переходя к главному. Руперт откашлялся и начал:

— Видите ли, я оказался в весьма интересной ситуации. Мой особняк на Гросвенор-сквер арендовали две дамы...

– Умоляю, ни слова больше! – воскликнул Джозеф, показывая в широченной улыбке крупные белые зубы. – Вы не первый, кто заводит об этом разговор. Я все-таки ваш друг, а потому остальным дал весьма расплывчатые ответы. Что же вы желаете знать, Руперт? Каково состояние Майкла Грэхема?

– Меня в первую очередь интересует, каков он сам.

– Прирожденный предприниматель. – Пэджет похлопал свою кобылку по шее и натянул повод. – И весьма примечательный человек. Полный жизни, я бы сказал. Ему все интересно, он любит начинать новое дело, обожает рисковать. Не чаёт души в дочери, и она отвечает ему взаимностью. Что же касается ее приданого – а это вас наверняка интересует, – то отец ее будет более чем щедр, если его дочь обретет счастье. Первый раз она вышла в свет в Глазго, мистер Грэхем позволил девушке выбирать, и, похоже, там подходящую партию она себе не нашла. Более мне о ней ничего не известно.

– Вы осуждаете меня? – поинтересовался граф, уловив странные нотки в тоне Джозефа.

– Отнюдь, я завидую вашей разборчивости и энтузиазму, Рэйвенвуд. Слух об этой мисс Грэхем разнесся по всему Лондону, и вы будете не единственным, кто пожелает ее очаровать.

– Мои намерения столь очевидны?

– Да, но ведь они честны?.. Когда мужчина начинает подыскивать себе жену, это словно написано крупными буквами у него на лице. Хотя вы и похожи на гэльского Хозяина Холмов – или как там звались те коварные существа, что заманивали юных дев песнями и светом болотных огоньков? – в вас много благородства, Руперт. И, возможно, вам пора остепениться, а мисс Грэхем – не такая уж плохая партия и, по слухам, весьма интересная девушка.

– Есть у нее титул или нет, мне безразлично, – откровенно высказался Руперт. – Но... я видел ее, мельком.

Джозефу можно было сказать об этом: он умел хранить тайны не хуже, чем Банк Англии – национальные деньги.

– И она вам понравилась? – угадал лорд Пэджет.

– О да, она мне приглянулась. Я еще не говорил с нею, но надеюсь сделать это сегодня.

– Будьте осторожны, мой друг. Ее отец, пожалуй, способен вынуть из вас душу прежде, чем допустит к единственной дочери.

– Но его здесь нет, верно? – усмехнулся Руперт. – А если мистер Грэхем позволил дочери выбирать, то что он сможет сделать с настоящей, искренней любовью?

Глава 5

Что ж, идея действительно оказалась великолепной. Луиза и леди Крайтон произвели впечатление даже на видевшее многое лондонское общество. Сейчас, мило общаясь с парой еще нестарых вдовушек, которым ее представила тетя Ви, Луиза даже немного удивлялась, почему появление двух скромных и совсем не родовитых шотландских леди стало настоящим событием. Конечно, многое можно было объяснить распространившимися слухами о богатой наследнице, которые подогревались затянувшейся паузой – на обновление гардероба пришлось потратить больше недели, – но сейчас, ловя на себе заинтересованные и любопытные взгляды, Луиза понимала, что многие из присутствующих интересуются ею самой, а не прилагающимся наследством. Значит, все сработало, как и планировалось.

Луиза оглянулась, пытаясь разглядеть в толпе тетю. Впрочем, это удалось без труда: яркое платье, сшитое из отличного шелка, выкрашенного в цвета клана МакФлаев, к которому принадлежала семья Грэхем, бросалось в глаза. И, кстати, удивительно шло леди Крайтон. Луиза улыбнулась. Как бы ей хотелось самой надеть такое платье! Но, поразмыслив, она все же решила, что стоит, хоть и не полностью, соблюсти традиции. Как и положено дебютантке, Луиза была одета в белое. Но спроси любого в зале – и никто не назовет ее платье белым. Проявив свойственную ей фантазию, Луиза придумала для себя и тетушки образы, удивительно сочетающиеся и противоположные одновременно. Глубокие изумрудно-синесерые цвета платья леди Крайтон отражались в белом платье Луизы, словно зеленые холмы Шотландии в глубоком горном озере. Конечно, пришлось поломать голову, но Луиза справилась. Нижние юбки и чехол лифа были сшиты из муслина цветов МакФлаев, а верхнее платье из тончайшего белого атласа лишь слегка приглушало яркие тона и позволяло шотландской клетке кокетливо выглядывать из-под верхней юбки во время движения.

Несмотря на то что танцы еще даже не начались, бальная карточка Луизы оказалась заполнена незнакомыми именами, а ноги в новых туфлях уже начали гудеть. Кажется, стоит присесть. Луиза вежливо завершила разговор с милыми, но болтливыми дамами и оглянулась в поиске стульев. В Глазго стулья обычно стояли вдоль стен, предлагая отдых немолодым и передышку утомленным танцами. Здесь же сидячие места были предусмотрены только для играющих в карты. Но вот в углу залы Луиза обнаружила несколько стульев. Почти все они пустовали, и лишь два места были заняты придремывающими седовласыми дамами, не иначе как сопровождающими кого-то старшими родственницами. Луиза решила, что этот укромный уголок послужит ей надежным укрытием: есть надежда, что половина записавшихся в бальную карточку кавалеров просто-напросто не найдет здесь свою партнершу – особенно если забиться подальше.

За спинами старушек Луиза заметила молодую девушку, прелестную блондинку, которой, в отличие от Луизы, удивительно шел белый цвет. Незнакомка задумчиво теребила локон, якобы случайно выбившийся из безупречной прически, и рассеянным взглядом смотрела в зал, где гости группками о чем-то беседовали, хаотически перемещались от компании к компании, кто-то смеялся, кто-то влюблялся... но девушка этого не видела. Луиза готова была биться об заклад, что расслышала пару печальных вздохов. Ужасно любопытно.

– Могу я присесть на этот стул? Или вы кого-то ждете? – спросила Луиза и, не дожидаясь ответа, села рядом с незнакомкой, расправила юбки и незаметно сбросила жавшие туфли. – Мы не представлены, но, я полагаю, мы справимся с таким простым делом и без посторонней помощи.

– Думаю, да. – Девушка на секунду помедлила, но все же не растерялась, столкнувшись со столь фамильярным обращением. Луиза чуть улыбнулась, вспомнив несколько подобных случаев. Иногда дебютантки настолько опасаются сделать неверный шаг, что предпо-

читают вообще ничего не делать. Помнится, после какого-то замечания Луизы одна девушка застыла, словно жена Лота, и, кажется, некоторое время даже не дышала и не моргала. Презабавное было зрелище.

– Меня зовут Луиза Грэхем, я из Глазго.

– О! Вы тоже с Севера! – оживилась девушка. – Я – Анна Суэверн, наше поместье расположено прямо на границе с Шотландией.

– Я полагаю, – улыбнулась Луиза, – вас в Лондон привело то же, что и меня.

– Не думаю, – Анна снова тяжело вздохнула, Луизе показалось, что девушка вот-вот расплчется.

– Белое платье, бал у Гринуэев, – Луиза пожала плечами. – Кажется, все очевидно.

– О, все так запутано, – покачала головой Анна.

– Бал – не самое подходящее место для подобных разговоров, – Луиза обвела взглядом зал. – Но ничего не поделаешь. Я страшно любопытна и обожаю запутанные истории.

Анна удивленно взглянула на столь напористую соседку и даже не нашла, что ответить. К тому же девушка заметила, что одна из туфельек Луизы явно рассталась с ногой хозяйки и вот-вот выкатится на всеобщее обозрение.

Луиза проследила за взглядом соседки и вернула беглянку под стул, надежно укрыв юбками.

– Я что-то совершенно не хочу танцевать, – сообщила Луиза.

– У меня тоже нет никакого желания.

– О, и это возвращает нас к вопросу о запутанной истории.

– М-м... А почему вы не хотите танцевать, мисс Грэхем? – уклонилась от ответа Анна.

– У меня чудовищно устали ноги. Кроме того, я не вижу смысла танцевать с незнакомцами, которым нет никакого дела до того, как я танцую, и до того, о чем бы я хотела поговорить.

– Мои причины примерно таковы же. Кроме того... – Анна помедлила, словно не решаясь продолжать. – Кроме того, я уже помолвлена, так что поводов для танцев у меня еще меньше, чем у вас.

– Выкинем наши бальные карточки и сделаем вид, что нас никто не приглашал, – предложила Луиза.

– Это хорошая мысль. – Анна посмотрела на свою карточку так, словно увидела ее впервые.

– Интересно, сколько раз можно такое проделать, чтобы тебя не сочли совершенно безумной? – Не то чтобы Луиза всерьез полагала, что подобная опасность реальна, но ей очень хотелось хоть немного развеселить новую знакомую. Анна Суэверн явно была чем-то глубоко опечалена, но держалась стойко. Подобное проявление силы духа Луиза уважала, а спокойное достоинство, присущее Анне, было тем качеством, которого самой Луизе так не хватало. Правда, она от этого не страдала, но всегда немного завидовала тем, кто способен был в любой ситуации сохранять вид отстраненный и почти неземной. И все же Луиза предпочитала активный подход к жизни. Девушка ощущала в себе явный избыток земного, что можно было объяснить недостаточно аристократическим происхождением или, если уж совсем честно, отсутствием такового.

– Думаю, что мне не удастся сделать это более одного раза. Маман в подобных вопросах бывает очень серьезна.

– Вас сопровождает мать?

– И брат. Сопровождают. Более точным словом было бы «конвоируют». – Анна попыталась улыбнуться, но улыбка вышла грустной.

– Но ведь вы же сказали, мисс Суэверн, что помолвлены?

– О, это долгая история.

– Вам не кажется, что разговор становится странным?

– В общем-то, после предложения выкинуть бальные карточки меня уже вряд ли может что-нибудь удивить.

– О, самые очевидные выходы всегда кажутся чем-то необычным. Наверное, потому что они простые. Люди привыкли бороться с трудностями. И если решение проблемы кажется очень легким, то все сразу же начинают искать подвох.

– Да, вы правы.

– Впрочем, как обычно. – Луиза легкомысленно махнула веером, едва не сбив с головы одной из старушек и так косо сидящую диадему. Бриллиантовую, стоит отметить. – Так каково же ваше решение? Расскажите запутанную историю – или пойдем танцевать? Вот, кажется, приближается первый из ваших кавалеров.

– Или из ваших, – парировала Анна.

– Возможно, – согласилась Луиза. – Как бы то ни было, вероятность танцев становится угрожающе реальной.

– Хорошо... Я согласна.

– Отлично! – Луиза решительно достала свою карточку из сумочки, висящей на запястье, протянула руку за карточкой Анны – и сделала то, от чего ее соседка затаила дыхание: осторожно засунула исписанные листки в сумочку окончательно задремавшей старушки и ловко лишила обеих почтенных дам их собственных девственно чистых карточек. Старушки даже не проснулись.

– Держите. – Луиза протянула половину незаконной добычи Анне.

– О Боже Всемогущий! – Мисс Суэверн смотрела на кусочек бумаги так, словно на нем проступили пламенеющие письма, обещающие геенну огненную.

– О, Господь на такие мелочи внимания не обращает, – уверила соседку Луиза, мягко, но решительно заталкивая карточку в сумочку Анны. – Соберитесь, молодой человек уже совсем близко.

– Мисс Суэверн, – кавалер склонился перед девушкой, – позвольте пригласить вас на этот вальс.

– О, баронет! – Анна, надо отдать ей должное, мгновенно взяла себя в руки, достала украденную карточку и невинно взглянула на замершего в поклоне молодого человека. – Кажется, тут какая-то ошибка. Вы не записаны на этот танец.

Луиза сделала вид, что происходящее ее не касается, а молодой баронет так и продолжал стоять, склонившись. Минута тянулась за минутой. Анна сидела с ровной спиной, глядя в пространство. Баронет стоял в поклоне, уставившись на пустую карточку. Луиза переводила взгляд с одного на другую и думала, сколько еще это может продолжаться. В конце концов она сжалась над несчастными и заметила:

– Мисс Суэверн, баронет, кажется, произошла какая-то ошибка, так что, я полагаю, вам стоит договориться о другом танце.

Молодой человек с видимым усилием распрямился и обрадованно сказал:

– Да-да! Я подойду позже, запишите за мной предпоследний вальс, если вы не против, мисс Суэверн.

– Боюсь, что этот танец уже занят, – не моргнув глазом, соврала Анна.

Луиза про себя отметила, что новая знакомая быстро и легко сошла с пути истинного.

Баронет моргнул, и Луиза забеспокоилась, что он снова обратится в соляной столб в поклоне, но юноша сделал над собой усилие и, выразив сожаление, удалился.

– Господь Вседержитель! – Анна откинулась на спинку стула и принялась энергично обмахиваться веером. – У меня чуть сердце не выскочило из груди. Это ужасно!

– Это весело, – рассмеялась Луиза. – И хочу отметить, вы, мисс Суэверн, сделаны из хорошей северной стали.

- Спасибо, – поблагодарила Анна за комплимент.
- И в свете того, что мы обе приняли участие в акте воровства и обмана, предлагаю перейти на «ты», оставив все эти церемонии. Что-то мне подсказывает, что мы подружимся.
- Как ни странно, мне тоже так кажется. Если мы переживем этот вечер, конечно.
- И ты мне расскажешь, что там за запутанная история?
- Я... постараюсь.
- Надеюсь.

Бал тем временем шел своим чередом: пары кружились в танце, дамы постарше и джентльмены всех возрастов играли в карты, подали легкий ужин, где Анна и Луиза оказались почти соседками – их разделял пожилой джентльмен, все время клевавший носом и изредка делавший плоток вина из постоянно наполняемого слугой бокала. После ужина тетя Ви оказалась окруженной стайкой своих давних подруг, а к Луизе подошла Анетт Гринуэй, вернее, леди Эрвен, с которой за неделю в Лондоне девушка успела уже несколько раз встретиться в городе.

– Луиза, дорогая! – Анетт, миниатюрная брюнетка, одетая в прелестное голубое платье (она-то, в отличие от Луизы, уже год была замужем), выглядела очаровательно и была явно рада видеть подругу. – О, мисс Суэверн!

– Леди Эрвен! – Анна ответила на приветствие и вежливо откланялась, не желая мешать.

– Я вижу, вы уже познакомились. Я ищу тебя с самого начала вечера!

– Да. Я не танцевала, поэтому ты меня и не видела. Ты-то, наверное, ни одного приглашения не пропустила.

– Но разве можно не веселиться! – Анетт замолчала, что-то обдумывая. – Впрочем, если у тебя нет настроения танцевать, я хочу тебя кое с кем познакомить.

– Уверена, это будет незабываемо, – проговорила Луиза, стараясь, правда не очень успешно, скрыть сарказм. Но Анетт, кажется, было все равно. – Меня все пытаются с кем-нибудь познакомить, – закончила Луиза.

– О, если ты не хочешь завести новые связи, зачем же ты приехала в Лондон?

– Сама задаю себе этот вопрос, – прошептала Луиза, не желая показаться невежливой. Анетт все же была весьма милой и к тому же оказалась хорошей подругой.

– Тогда пойдем.

– Что ж, веди. – Луиза позволила увлечь себя к карточным столам.

– О! – Анетт остановилась, не дойдя до места. – Где же он?

Луиза пожала плечами: она-то даже и не знала, кого ищет подруга.

– Кто «он»?

– Э-э-э... – Анетт повернулась, высматривая кого-то в зале. – Мой брат.

Луиза была наслышана о Найджеле Гринуэе, но лично с ним не встречалась. Может быть, самое время исправить упущение.

– Леди Эрвен, – раздался голос за спиной у девушек. – Найджел отошел за пуншем.

– Спасибо, граф. – Анетт обернулась, увлекая за собой Луизу, и та увидела воплощение своей мечты.

Он стоял, едва заметно опираясь на спинку кресла, и смотрел прямо на Луизу, словно в зале не было больше никого. Сначала девушка даже не могла отвести взгляд от его изумрудного цвета глаз. Темные ресницы, чуть золотистые на кончиках, оттеняли зелень радужки, словно драгоценная оправа. Бледность лица, которую можно было счесть как аристократической чертой, так и последствием бурного образа жизни, не портила его, а лишь подчеркивала тонкие, но четкие черты, делала линию губ более выразительной и оттеняла скулы, которые при смуглой коже могли бы показаться излишне острыми. Граф был не слишком

высок, но строен и явно в хорошей форме, пусть и поддерживаемой скорее упражнениями, чем здоровым образом жизни. У него были рыжие волосы, но даже этот цвет казался благородным и ничем не напоминал огненные оттенки шотландских кудрей, столь распространенные на севере. Скорее, это был цвет старого коньяка, подсвеченного живым пламенем камина.

Все это Луиза увидела в одно мгновение, словно впитала в себя образ, столь идеально соответствовавший тому, о котором она мечтала. А ведь это первый встреченный ею в Лондоне граф. Кажется, это судьба. И, кстати, как его зовут?

– Мисс Грэхем, – ответила на вопрос Луизы Анетт, – позвольте вам представить графа Рэйвенвуда.

– Мисс Грэхем, – молодой человек застыл в безупречном поклоне. – Я долго ждал встречи с вами.

Глава 6

Руперт и Найджел Гринуэй стояли в нише окна, полускрытые занавесями, и обсуждали дерби, когда заметили мисс Грэхем. Несмотря на то что граф видел девушку только один раз, он сразу узнал ее: эту фигуру не спутаешь ни с какой иной, да и наклон головы весьма характерный. И, разумеется, хм... Руперт отвел взгляд от груди мисс Грэхем, соблазнительным намеком видневшейся под кружевом, – и как раз вовремя, чтобы успеть ухватить за рукав Найджела:

– Куда вы, друг мой?

– Я должен поприветствовать гостей. – Сэр Гринуэй смотрел в том же направлении, что и Руперт, однако на его лице читалась не столько заинтересованность, сколько обязанность хозяина дома уделить внимание всем прибывшим.

– Это подождет. У меня к вам небольшая просьба, Найджел, если, конечно, вы найдете возможным ее удовлетворить.

Гринуэй оторвал взгляд от Анетт, оглядывавшейся в поисках брата, и с интересом посмотрел на Руперта:

– Я постараюсь не отказать вам, друг мой.

– Эта дама рядом с вашей сестрой и есть мисс Грэхем, о которой мы недавно говорили.

– Вот как? – Найджел выглянул из-за занавески, но граф втянул его обратно.

– Дело вот в чем. Я имею насчет нее определенный интерес.

– Вы хотите ухаживать за этой милой девушкой, Руперт? Вам она так приглянулась?

– И она, и ее состояние, – не стал кривить душой граф. Смысла лгать другу он не видел. – Мне неловко просить об этом, Найджел, так как ваша сестра, похоже, приготовила эту девушку для вас.

Брови Гринуэя поползли вверх:

– Почему вы так решили?

– Потому что это выгодная партия. – Если бы на месте Гринуэя был любой другой человек, Руперт поостерегся бы так говорить, однако сэр Найджел относился к своему увещью с юмором и не мог усмотреть в таком разговоре ничего обидного. – Вы не проводите традиционных ухаживаний, так как не танцуете, не ездите верхом и больше времени уделяете книгам, чем женщинам. Исключая, разумеется...

– Не здесь, – прервал его Гринуэй.

– Да, верно. Не будем о дамах полусвета. А эта девушка, конечно, не из тех, кого везде привечают, но из тех, кого охотно примут, если она станет женой титулованного человека. Мисс Грэхем будет только счастлива, если предложение ей сделает аристократ. Простой расчет.

– Вы циничны, Рэйвенвуд, – упрекнул его сэр Найджел. – Так вы полагаете, будто моя сестра решила, что если уж знатные дамы не спешат идти со мною под венец, то дочка промышленника пойдет с радостью?

– Верно.

– Спасибо за прямоту. – Гринуэй выглядел задумчивым. – Право слово, Анетт все чаще заводит разговор о моей женитьбе. Почему, Господи спаси, все уже сочетавшиеся узами брака жаждут, чтобы их свободные родственники и друзья тоже попали в эту ловушку?! Скорее всего, вы не ошиблись. Но я далек от того, чтобы воспользоваться шансом, коль скоро вы увидели здесь свою судьбу. Удачного ухаживания, мой друг.

– У вас благородное сердце, сэр, – искренне сказал Руперт. – В таком случае я постараюсь первым поговорить с нею.

Однако вначале это графу не удавалось: он потерял мисс Грэхем в бальной круговерти и в конце концов решил держаться рядом с Найджелом – Анетт не упустит случая и рано или поздно найдет способ познакомиться девушку с братом. Предчувствие не обмануло графа. Гринуэй, ухмыльнувшись, удалился, чтобы Руперт мог использовать свой шанс, – и граф Рэйвенвуд ощутил уже знакомый охотничий азарт.

– Мисс Грэхем, – проговорила Анетт, явно недовольная тем, что Руперт первым оказался у нее на пути, – позвольте вам представить графа Рэйвенвуда.

– Мисс Грэхем, – он поклонился. – Очарован. Я долго ждал встречи с вами.

Выпрямившись, Руперт посмотрел на девушку долгим пристальным взглядом.

Вблизи мисс Грэхем оказалась ничуть не хуже, чем издали. У нее была чудесная кожа, здоровая и гладкая, роскошные волосы и большие темно-серые глаза. Романтическая сторона натуры Руперта, проявлявшая себя редко и в весьма неподходящие моменты (отнести ли к ним этот эпизод, граф еще не решил), вострепетала в предвкушении того, как он поведет девушку в танце. Ему хотелось прикоснуться к ней, шепнуть что-нибудь в очаровательное круглое ушко, полускрытое тщательно завитыми локонами. Руперту казалось, что он ощутил исходящий от мисс Грэхем цветочный запах, но даже под пыткой он не смог бы сказать, жасмин это или, может быть, фиалка. Какая разница!

Молчание затягивалось, и граф, чувствуя, что пауза становится неприличной, хотел было продолжить разговор, однако Луиза его опередила:

– Вот как? Вы ждали встречи? Я не припомню, чтобы мне обещали вас представить.

Анетт поморщилась: высказывание прозвучало грубо, если не сказать вульгарно. На хорошеньком лице бывшей мисс Гринуэй, а теперь леди Эрвен, читалось: что возьмешь с дочери торговца! Однако графа бесцеремонность девушки только позабавила.

– Тем приятнее знакомство, не правда ли? – Он обошел кресло, дабы оказаться поближе к дамам. – Я имел в виду не столько этот очаровательный бал, сколько жизненный путь, мисс Грэхем. Когда ожидание подобной встречи заканчивается, понимаешь это сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.